

издательство «Светоч», Самарское и Хабаровское книжные издательства. Предпринимаемая шаги к возрождению отечественной культуры, необходимо помнить, что эту задачу не решить без обращения к фольклору, ибо «залог возрождения, - как сказал Л.Н. Толстой, - в народности».

Г.А. Губанова

СКАЗКА В ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Т.В. Кривошапова. Русская литературная сказка конца XIX - начала XX века: Учебное пособие по спецкурсу. - Акмола: Изд-во Акмолинского ун-та., 1995. - 80 с.

Жанр книги Т.В. Кривошаповой определен как учебное пособие по спецкурсу, хотя во введении автор раздвигает узкие рамки ее предназначения и адресует книгу не только студентам, но и вузовским преподавателям, и учителям литературы, осознавая и подчеркивая широкую теоретическую и практическую значимость данного исследования. Действительно, эта поправка оправдана, и в историко-литературном отношении данная книга восполняет имеющийся в науке пробел в изучении жанра литературной сказки. Если сказка в литературном процессе и системе литературных жанров XIX и XX веков уже рассматривалась И.П. Лупановой, Т.Г. Леоновой, М. Петровским, М. Липовецким, Т. Чернышевой, Е.М. Нееловым и многими другими учеными, то за исключением статьи самой же Т.В. Кривошаповой "Русская стихотворная сказка в конце XIX - начале XX века" (Филол. науки, 1991, № 2, с. 28-35), исследований, и тем более обобщающего характера, не было, и в науке бытовало представление о дискретности жанра. Однако сказка с момента включения ее в литературу не уходит из нее, наоборот, приспособляется к ней, сливаясь, срачиваясь с другими жанрами и родами литературы. Можно говорить лишь о периодах активизации и актуализации жанра, а не о его затухании. Свидетельство этому - исследование Т.В. Кривошаповой.

Автор пособия обращается к сказке 80-90-х годов и начала XX века, когда этот жанр осваивают многие поэты и писатели разных направлений и ориентаций: А. Ремизов, М. Горький, А. Толстой, Е. Гуро, Ф. Сологуб, В. Маяковский, З. Гиппиус, В. Брюсов, С. Есенин, К. Бальмонт и т.д. Т.В. Кривошапова объясняет этот феномен так. Сама сказка, отдельные черты ее поэтики или только установка на вымысел свидетельствует о попытках писателей и поэтов этой переломной, кризисной эпохи найти в фольклоре законченную модель мира. Сказочный жанр был востребован и использован литературой в ее стремлении выразить мифологизм современного сознания. Убедительными представ-

ляются мысли Т.В. Кривошаповой об утрате сказкой "локальной родовой принадлежности к эпосу" (с. 20) и восприятие писателями и поэтами конца XIX века сказочного жанра как категории нейтральной. Поэтому сказка осваивается и поэзией, и прозой, и драматургией. Жанр делается трудноопределимым, к тому же писатели и поэты обращались в своем творчестве не только к сказке, но и к другим жанрам фольклора: обряду, игре, легенде и т.д.

Кривошапова не стремится все, что имеет отношение к народнопоэтическим традициям, атрибутировать в жанровом отношении как сказку, наоборот, она предостерегает: "наличие установки на "чужое", в данном случае, фольклорное, слово, еще не свидетельство принадлежности к жанру... сказки" (с. 27). "Чужое" слово для автора книги - черта жанрового своеобразия литературной сказки (с. 17), но доминантой жанра оно являться не может. Это осознается Кривошаповой, поэтому она в качестве доминирующей жанровой черты далее в своих рассуждениях признает фантастику в разных видах и формах: сон, тайна, фантазия и проч. Получается, что введенное в качестве рабочего термина выражение М.М. Бахтина "чужое слово" мало что дает при изучении поэтики и жанровой специфики тех произведений, которые можно отнести к жанру сказки. И хотя при анализе стихотворных сказок Кривошапова отмечает у авторов сознательную установку на вымысел, все же, по ее мнению, это не может быть показателем жанровой определенности, ибо в них преобладает лирическое начало, которое переводит сказку из эпического рода в лирический. Получается, что происходит размывание жанра. Так, анализируя сказки А. Толстого, Кривошапова указывает на то, что сказочные стихотворные произведения авторов той эпохи имели сказочное "жанровое содержание", но не сказочную форму, и применительно к сказкам А. Толстого автор книги ведет речь о промежуточной родовой и жанровой специфике жанра. Синтетичность жанра рассматривается с теоретической точки зрения. На сказочный вымысел Кривошапова смотрит как и писатели той эпохи, сужая его суть. На самом деле сказочный вымысел имеет отношение к общей картине мира, созданной автором в своем произведении, а не к бытовым выражениям, в которых сказка становится синонимом чего-то несбыточного, неправдоподобного (с. 29).

Тем не менее анализ стихотворных текстов по целевым установкам безупречен, и выводы, к которым приходит исследовательница касаются непосредственно специфики литературной сказки той эпохи: размывость жанровой и родовой определенности, циклизация в поэзии и прозе, установка на народного рассказчика, следование нормам ритмической организации народного стиха, использование иронии, аллегии, эзоповой речи, обращение к календарному фольклору, легендам, преда-

ниям. Обращение к конкретным именам и произведениям обусловлено движением и изменением жанра в истории литературы и в конечном итоге дает представление о жизни литературной сказки на сломе веков. Установлению истинной картины способствуют новые научные сведения. Так, Кривошапова полемизирует с устоявшимся в науке мнением о "Посолони" А. Ремизова и утверждает, что писатель "в "Посолони" на стороне реализма" (с. 56). Также устанавливается факт значительного воздействия Ремизова на книги А. Толстого "За синими реками" и "Сорочьи сказки" и влияния А. Блока ("Балаганчик") на его пьесу "Дочь колдуна", то есть сказочные произведения А. Толстого свидетельствуют о тесной связи писателя с определенной литературной традицией. Из этого следует вывод: не нужно "уводить молодого А.Н. Толстого из-под влияния символизма столь рано, как это делают современные исследователи" (с. 69). Убедительно показана неудача А. Толстого в создании драматической сказки, в попытке перевести сказку из эпического рода в драматический. Однако из текста книги трудно понять, убежден ли автор в том, как и Ю.М. Соколов, Э.В. Померанцева, Д.Н. Медриш, что "театрализация сказке вредит" и любое произведение, отличающееся жанрово-родовым синтетизмом, обречено на неудачу или "Дочь колдуна" просто факт личной неудачи писателя.

Последняя глава книги посвящена связи творчества футуристов (Е. Гуро, В. Хлебников, В. Маяковский) с фольклором и сказочными традициями. Кривошапова доказывает, что эстетические декларации футуристов не соответствовали поэтической практике. Футуристы, объявляя войну старой культуре, тем не менее хорошо знали фольклор, миф, обряд, по сути дела их творчество питала фольклорная и литературная традиция.

Приходится сожалеть, что из литературных направлений и школ взятой эпохи выпали символисты, акмеисты, крестьянские поэты. Сопоставление опытов разных писателей и поэтов способствовало бы созданию цельной картины жизни русской литературной сказки XIX и XX веков.

Приложение, которое имеется в книге, должно было дать программу спецкурса по литературной сказке, но вместо нее предложен лишь тематический план по нему, который в целом дает представление и о теоретических проблемах спецкурса, и выстраивает историю жанра в именах и жанровых разновидностях, в какой-то степени компенсируя недоговоренности самого текста пособия. К примеру, "Литературная сказка М. Горького" или раздел XVI - "Жанр сказки и литературное направление", в который входят подпунктами "Сказка в поэзии и прозе символизма", "Сказки в творчестве поэтов-акмеистов" и т.д.

Интересен и представлятелен список источников, который включает разновременные произведения с 1893 по 1994 год. Жаль, что в него не вошли книга М. Липовецкого "Поэтика литературной сказки" (Свердловск, 1992) и книга М. Петровского "Книги нашего детства" (М., 1986). Первая могла иметь для спецкурса значение историко-теоретического исследования по жанру сказки XX века, а вторая помочь увидеть новые тенденции в литературной сказке в начале века, ибо в ней рассматриваются новые виды литературно-фольклорных связей у писателей-сказочников и не только у них (А. Блок), когда идет синтез культур - высокой с фольклорной, массовой и даже кичевой.

Несомненно, появление книги Т.В. Кривошаповой - это еще один шаг к созданию полной истории русской литературной сказки, а также к восстановлению картины сложного пути эстетических, идейных, философских поисков писателей и поэтов рубежа веков XIX и XX.

Т.А. Екимова

СОБИРАТЕЛЬ УРАЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Однажды Владимир Павлович Бирюков признался, что до середины 1930-х годов он, будучи убежденным краеведом, мало интересовался народными песнями, сказками, частушками, хотя и записывал их при случае. Лишь после Первого съезда советских писателей, где А.М. Горький произнес всем памятные слова («Собирайте ваш фольклор, изучайте его»), когда собирание фольклора стало в нашей стране поистине массовым движением, а не только занятием специалистов, В.П. Бирюков увлекся этой деятельностью. В сущности, первым выступлением его в качестве фольклориста была статья «Старый Урал в народном творчестве», опубликованная в газете «Челябинский рабочий» 24 ноября 1935 года. Вскоре же вышел в свет известный сборник «Дореволюционный фольклор на Урале» (1936), и о В.П. Бирюкове сразу заговорили в среде фольклористов Москвы и Ленинграда. Помню, как в 1937 году, нам, студентом первого курса Московского института истории, философии и литературы, академик Ю.М. Соколов на лекции, посвященной рабочему фольклору, заявил, что сборник В.П. Бирюкова - большое научное открытие. И тут же, вместо традиционной лекции стал выразительно читать и увлеченно комментировать тексты из книги. Он восторженно отметил выделявшиеся своей художественностью сказы П.П. Бажова (впервые опубликованные в этом сборнике). Сразу же после лекции я бросился в институтскую библиотеку и с жадностью «проглотил» книгу, поразившую меня своей не-